

"Ах..." Момонга понял, что слишком мало доверял умственной стойкости Юбеллуны. "Похоже, я серьезно недооценил твою личность, и надеюсь, ты понимаешь, к чему я только что клонил, и простишь меня за мои необоснованные заявления?"

Юбеллуна обвила его своими бедрами, заставляя тело-носитель Момонги хватать ртом воздух. "Прекрасно, но в будущем, постарайся найти тему получше. Не похоже, что существуют отношения без обидных споров. Более того, признаюсь, я все еще немного боюсь тебя. Не из-за того, что ты решил намеренно навредить мне из злого умысла, просто я на самом деле не знаю, полностью ли ты контролируешь свою силу.

Когда ты находишься в "режиме разрушителя", ситуация иная, но я постараюсь быть активом, а не помехой, потому что я чувствую, что это единственная эмоция, которую ты испытываешь, находясь в таком режиме. Даже при том, что я все еще инстинктивно вздрагиваю, когда ты разжигаешь огонь, я знаю, что это не исчезнет от ласковых слов, мне просто нужно привыкнуть".

"Что-то подобное тебя не пугает?" Момонга был довольно удивлен, учитывая реакцию остальной части его окружения на темы, похожие на то, о чем говорила женщина.

"Ну, жизнь состоит из компромиссов. Если у тебя есть сила, которая может вернуть нас всех домой в конце дня, я не буду возражать против того, чтобы меня немного подпалили. Я так же не против высосать из тебя режим разрушителя после этого" Юбеллуна потянулась, чтобы взять мясной меч тела Момонги, который уже восстановился. "Вот, позволь мне продемонстрировать, и давай посмотрим, говорила ли Сюэлань-тян правду..."

Момонга вздохнул.

«Да, я был в абсолютном меньшинстве с самого начала. Эта женщина — извращенка, и к тому же умная...»

"Ах!"

Настала очередь Момонги застонать.

.

.

"Не-е, уточка! Это не пруд! Не плавай в нем" Сильно покрасневшая девочка-волшебница пыталась прогнать утенка из пруда, который случайно образовался в лесу за поместьем Момона Феникса после того, как Леви-тян подсмотрела за "Мо-куном" и его "дневными развлечениями". Хотя ей приходилось читать по губам, поскольку казалось, что девушка с фиолетовыми волосами наложила защиту, которая блокировала выход звука из комнаты. Но не

то чтобы губы этих двоих произносили много слов, так как они были слишком заняты, издавая стоны и занимаясь другими вещами.

Леви-тян запаниковала, когда кое-что поняла. "Уваа! Мне нужно тренироваться Со-тян! Иначе она сломается пополам! Мо-кун, пожалуйста, будь с ней полегче... хотя... хехехе... Мне интересно... Эхехехе... эхехехе... Хе-хе... Мо~ кун~ возможно~ Мне не нужно ее тренировать~"

Утка смущенно крикнула, когда волшебница перестала за ней гоняться и, казалось, совершенно потерялась в своем собственном мире.

И по какой-то причине даже юная птичка была достаточно умна, чтобы понять, что мечтательное и частично скрытое тенями лицо девочки-волшебницы не предвещало ничего хорошего, особенно когда смотришь в ее глаза...

.

.

"Фу... это так скучно..." пожаловалась Рэйвел.

Ворчала светловолосая девушка с двумя косичками, когда использовала свою магию, чтобы восстановить ворота в "поместье Момона Феникса".

"...Меня до сих пор тошнит от того, что мне пришлось назвать этого мальчика "нии-сама" в присутствии мамы". Заворчала Рэйвел, когда ворота начали принимать свою прежнюю форму, расплавленный шлак перековался в сталь под ее мастерством магии и пламени, и металл принял форму труб, которые соединились вместе, образуя ограждение и ворота. "Почему я должна это делать? Это работа прислуги... Я ненавижу это, ух..."

Часть ее разума знала, что ее особое мастерство было весьма полезно для обработки стали, и из всех, кто жил в поместье, у нее был самый высокий уровень контроля над своей магией. Таким образом, она была практически единственной, кто мог восстановить ворота до того, как какой-нибудь прохожий заметил бы груды расплавленного шлака и остекленный тротуар.

"Ууург..." Врата приняли свою окончательную форму и начали остывать, сопровождаемые раздраженным рычанием Рэйвел.

Она повернулась, чтобы посмотреть на особняк, который ее мать подарила в качестве "свадебного подарка" мальчику, которого поспешно приписали к семье Феникс, и ей снова захотелось зарычать. «Он и близко не подходит на замену Райзеру, никто не может заменить нии-саму... Момон — это... Невежественный, безрассудный, безмозглый, идиот...!»

Она была довольно близка со своим братом Райзером, и потеря тяжело повлияла на нее. Тот

факт, что невежественный мальчик, воспитанный людьми, был просто взят из ниоткуда и помещен в семью, чтобы "заменить" Райзера, приводил ее в ярость.

Ее не очень заботило объяснение того, что у "Момона" есть части души Райзера, потому что, наличие части Райзера не сделало бы "Момона" ее любимым братом. И ужасающий не-Райзер, напавший на остальных членов семьи, просто заставил ее ненавидеть, ненавидеть "Высшее Существо", которое сделало это с ним.

Она не поверила объяснению, что "Отрицательные черты Райзера впитались в его тело, и он начал поклоняться "Высшему Существо". На самом деле, она верила, что мальчик "Иссей" намеренно убил Райзера, а затем использовал какую-то черную магию вуду, чтобы заставить Райзера предать остальных членов семьи против его воли и каким-то образом околдовать мать Рэйвел, чтобы та усыновила "Иссея".

«Грр... Мой план заставить его пойти со мной за нижним бельем и затолкать нас в шкаф для переодевания, зарезать его до смерти, когда он был занят тем, что лапал меня, а затем использовать это как оправдание моих действий провалился...» Рэйвел яростно зарычала.

«Более того, с тем светловолосым парнем было неинтересно ходить по магазинам... "Момон" понял мой план и намеренно подтолкнул его ко мне? ...Подождите... Может быть, он "Высшее Существо" и использует братика Райзера как невольную марионетку в своей черной магии?»

Она стояла лицом к помещью, обдумывая эту теорию, и не заметила, как все еще незапертые ворота тихо открылись позади нее, и темная фигура проскользнула в отверстие, как капля масла, проскальзывающая через ситечко.

"Что, если... гхух!» Рэйвел почувствовала, как что-то схватило ее за голову сзади, и ее сознание покинуло ее с одной последней мыслью, мелькнувшей в ее голове, сопровождаемой чувством ужасного прозрения, прежде чем ее тело подвело ее. «Он понял, что я осознала его истинную природу! И он, должно быть, способен читать мысли, если знал о моем первом плане, и... когда я поняла... он избавится... от меня... черт возьми... Мама, пожалуйста...»